

Об изучении в России международных отношений и внешней политики КНР (1992–1999 гг.)*

© 2012

В. Портяков

Показаны основные особенности и направления исследований международных отношений и внешней политики КНР в 1992–1999 гг. Значительное внимание уделено современным российско-китайским отношениям. Рассмотрены публикации о китайско-американских отношениях, пограничной политике Пекина, внешнеполитических концепциях китайских ученых.

Ключевые слова: Россия, китаеведение, изучение, Китай, внешняя политика, 1990-е гг.

По сравнению с другими направлениями отечественного китаеведения изучение международных отношений и внешней политики Китайской Народной Республики претерпело в 1990-е гг. наиболее существенные изменения. Это было обусловлено целым комплексом факторов и причин.

Главным, определяющим моментом явилось конституирование Российской Федерации в качестве независимого самостоятельного государства. Стремясь сохранить и упрочить отношения со своим крупнейшим восточным соседом, нормализованные после трех десятилетий раздора и даже вражды лишь на закате существования СССР в мае 1989 г., постсоветская Россия одновременно не скрывала своего намерения ориентироваться прежде всего на Запад, видя в этом определенные гарантии продвижения по пути демократизации и рыночных реформ, а также в расчете на финансовую помощь капиталистических стран. Такой подход с самого начала ввел двусторонние российско-китайские отношения в прагматичное русло и на корню пресек попытку придать им какую-либо идеологическую окраску. Это позволило начать изучение международных отношений и внешней политики КНР, ставя во главу угла национально-государственные интересы новой России, отойти от не выдержавших проверку временем и практикой прежних идеологических конструкций и лозунгов.

Вполне естественно, что различия в понимании интересов своей страны и в видении оптимального вектора долгосрочного развития Российской Федерации предопределили появление существенного разнобоя в подходах российских ученых к международным отношениям Китая и российско-китайскому взаимодействию. В обобщенном виде можно выделить три группы исследователей: сторонники самого тесного сближения с Китаем, нередко ратававшие одновременно и за «китайский путь» для

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор. Заместитель директора ИДВ РАН. E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

* Статья подготовлена при содействии РГНФ. Проект № 12–33–09006, «Основные направления и проблемы российского китаеведения»

российских реформ; приверженцы традиционно-подозрительного видения Китая, настороженно воспринявшие разворот официального Пекина к политике добрососедства и партнерства; наконец, исследователи, ориентировавшиеся на приоритет для России европейских ценностей и потому с долей алармизма отслеживавшие усиление международных позиций КНР.

При всех неизбежных издержках «разномыслие» оказалось намного более эффективным инструментом объективного, непредвзятого анализа международной деятельности Китая, прежде всего на российском направлении, чем прежние приказное единомыслие. Несколько утрируя, можно сделать парадоксальный вывод: впервые за долгие годы анализ современной внешней политики Китая возглавили именно ученые. Не секрет, что в советское время эта сфера была прерогативой почти исключительно Министерства иностранных дел и Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

В «субъекте» исследования международных отношений Китая произошли и другие существенные изменения. Изучение этого предмета вышло за пределы Москвы. Особенно активно в данный процесс включился Дальний Восток и прежде всего китаеведы Владивостока. Кроме того, изучение Китая и российско-китайских отношений перестало быть привилегией китаеведов, привлекая нарастающее внимание политологов различных направлений, в т.ч. глобалистов, американистов, специалистов по России.

Принципиально важное значение имели и качественные сдвиги в самом предмете исследования — внешней политике КНР. В конце 1980-х гг. переживавший «пост-тяньаньмэньский» синдром Китай не только столкнулся с попытками изоляции со стороны Запада, но отчасти и сам склонялся к проведению весьма замкнутой, полуизоляционистской политики. Ситуацию переломила поездка архитектора китайских реформ Дэн Сяопина на юг весной 1992 г., обеспечившая в конечном счете поворот страны к рыночным реформам и активизацию политики внешнеэкономической открытости. Ее новый тур, начатый в 1992 г., был адресован прежде всего России и республикам Центральной Азии. С 1992 г. началось активное присоединение КНР к основным международным договорам и конвенциям. Была провозглашена и стала апробироваться новая для Китая политика добрососедства и установления различных форм партнерства со многими государствами мира. Опубликованные в 1993 г. МВФ и Всемирным банком высокие оценки ВВП Китая привлекли всеобщее внимание к китайской модели реформ и модернизации. Пекин вступил в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, активизировал связи с АСЕАН, начал разрабатывать новое для него центральноазиатское направление внешней политики. Все большее значение в международном позиционировании Китая стал приобретать американский фактор. Все это создавало широчайшее поле для исследовательской работы российского китаеведения.

Нельзя не упомянуть существенно изменившуюся общую атмосферу научной работы. Открытие доступа ко многим ранее закрытым архивам расширило тематику, обогатило фактическую базу и инструментарий исследований. Регулярными стали контакты с китайскими учеными, в т.ч. в ходе более частых, чем раньше, научных командировок в КНР. Доступнее стала периодика и новая научная китайская литература по тематике исследований, появились научные контакты с зарубежными коллегами-китаеводами. Более массовыми стали выезды российских китаеведов на конференции Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК), в том числе в 1994 г. в Прагу, в 1996 г. в Барселону и в 1998 г. в Эдинбург. Это позволило в конечном счете выиграть право проведения в 2002 г. конференции ЕАК в Москве.

Заметные изменения претерпели формы исследовательской работы и реализации результатов научных исследований. Важное место заняло проведение регулярных конференций с институтами-партнерами, например, между Институтом Дальнего Востока РАН и Китайским институтом (ныне — Академией) современных международных отношений (проводятся с 1992 г. по настоящее время поочередно в России и Китае).

Российские китаеведы стали привлекаться к работе различных международных «круглых столов» (например, по проблемам Северо-Восточной Азии), семинаров (конференции «Вилтон-парк» в Великобритании) и т.п.

Ряд важных международных конференций был организован с прицелом на активное участие именно российских экспертов. Можно упомянуть первую зарубежную конференцию, посвященную вопросу современной китайской миграции в Сибири и на Дальнем Востоке. Она была организована Технологическим университетом Джорджии в Атланте в декабре 1994 г. С российской стороны участвовали представители научных центров Москвы, Хабаровска и Владивостока.

Набрала внушительные масштабы и стала весьма авторитетной регулярная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир», организуемая Институтом Дальнего Востока РАН (впервые была проведена в 1990 г.). Несмотря на финансовые трудности, сохранили высокий научный уровень традиционные конференции с широким участием китаеведов в Институте востоковедения РАН («Общество и государство в Китае») и источниковедческая и историографическая конференция на Восточном факультете СПбГУ. Отдельные конференции по проблемам международных отношений Китая прошли в 1990-е гг. в Институте стран Азии и Африки при МГУ, в Дипломатической академии МИД РФ.

Важным новым изданием по проблемам внешней политики КНР стал ежегодный сборник статей «Китай в мировой и региональной политике (История и современность)», который издается в ИДВ РАН с 1995 г. Во Владивостоке начал издаваться журнал «Россия и АТР» (отв. ред. В.Л. Ларин), помещающий немало материалов по внешней политике КНР и российско-китайским отношениям. В частности, в 1993–1994 гг. в нем были опубликованы результаты первого в России социологического опроса китайских мигрантов, работавших в Приморском крае.

С середины 1990-х гг. публикацию материалов о Китае, в т.ч. о российско-китайских отношениях, начал Московский центр Карнеги. Один из номеров журнала этого центра «Pro et Contra» был целиком посвящен российско-китайским отношениям в различных сферах.

Отечественное китаеведение в этот период вышло на новую для него российскую политическую арену. Китаеведы участвовали в ряде обсуждений в Государственной Думе, активно привлекались к работе Комитета Госдумы по международным делам (в период, когда им руководил В.П. Лукин) и — в качестве экспертов по Китаю — к деятельности Совета Федерации.

Определенную модификацию претерпела структура научных исследований.

На приоритетное место вышли изучение и прогнозирование развития современных российско-китайских отношений, рассматриваемых как в двустороннем плане, так и в более широком контексте политики России в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Поначалу второй подход даже доминировал. Это косвенно отражало стремление МИД РФ показать, что для разворачивающейся на Восток России Китай, безусловно, является важным партнером, но отнюдь не единственным. Серьезные надежды возлагались на развитие связей с западным побережьем США, Японией, Республикой Корея и даже Австралией. Надо сказать, что и иностранцы практически вплоть до дефолта 1998 г. про-

являли повышенный интерес к российскому Дальнему Востоку и сохраняли надежду на его активное включение в интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии.

Вполне закономерно, что в этот период был опубликован целый ряд работ, посвященных выявлению интересов России и моделям ее позиционирования в Восточной Азии¹. Особенно заметный научный резонанс имел коллективный научный доклад большой группы сотрудников Института Дальнего Востока РАН «Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока», который в марте 1995 г. был обсужден на заседании Бюро Отделения экономики РАН². В докладе впервые в постсоветской российской науке была подчеркнута необходимость широкого использования торгово-экономических связей с сопредельными странами для подъема Сибири и Дальнего Востока, дана оценка полезности для России основных интеграционных проектов в Северо-Восточной Азии, в том числе таких, как «Кольцо Японского моря», «Кольцо Желтого моря и Бохайского залива», «Туманганский проект». Среди рекомендаций правительству РФ по итогам обсуждения доклада фигурировало предложение о создании министерства развития и освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока с широкими полномочиями (подобный орган был учрежден в составе правительства страны в 2012 г.).

На основе доклада была подготовлена коллективная монография «Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества» (Москва, 1998, руководители проекта М.Л. Титаренко и А.В. Островский), где среди прочего были впервые комплексно рассмотрены проблемы новой китайской миграции на Дальнем Востоке России и его торгово-экономического взаимодействия с КНР.

Постепенно в центр исследований стали выдвигаться собственно российско-китайские отношения. Как отмечал А.Г. Яковлев, бывший в 1990-е гг. одним из ведущих российских исследователей международных отношений КНР, «в неохватной проблематике, которую затрагивает тема «Россия и Азия»,...китайский компонент по всем его основным параметрам является центральным, ключевым, а потому наиболее актуальным как предмет исследования». Он предложил методологию анализа отношений РФ с КНР, подчеркнув, что для понимания сущности современных российско-китайских отношений и их эволюции следует «беспристрастно оценить качество России и Китая как субъектов мировой и региональной политики» и как взаимодействующих сторон, а также «беспристрастно охарактеризовать те новые конкретно-исторические международные условия, в которых возникли и будут развиваться взаимосвязи двух стран»³.

Отталкиваясь от собственного анализа базовых характеристик двух государств и их места в системе международных отношений в середине 1990-х гг., А.Г. Яковлев констатировал: «Вырисовывающаяся общность исторической судьбы не может не сближать объективные национально-государственные интересы России и Китая, а следовательно, не может не влиять позитивно на характер двусторонних отношений». В то же время, по мнению ученого, «осознание этой общности судеб далеко от требуемого уровня». Итоговый вывод и одновременно прогноз А.Г. Яковлева был таков: «В уже начавшейся борьбе народов за достойное выживание у России и Китая нет более надежных гарантий, чем опора на собственные силы, тесное взаимодействие друг с другом и с мировой периферией». Ученый нащупал едва ли не главный «болевого нерв» всей стратегии укрепления отношений России с Китаем, а именно: ее неприятие сторонниками тесного сближения РФ с Западом. По мнению А.Г. Яковлева, Россия должна бороться с зависимостью от Запада, с той опасностью, которая уже существует и усиливается, а не с гипотетической «односторонней зависимостью от Китая, вероятность которой сомнительна»⁴.

Несмотря на определенные шероховатости в налаживании диверсифицированного многоуровневого сотрудничества, Россия и Китай в 1990-е гг. сделали, по словам Посла РФ в КНР И.А. Рогачева, общий «исторический выбор в пользу добрососедства, дружбы и сотрудничества на долгие времена», нашедший отражение во введенной в оборот в 1996 г. ёмкой формуле «развитие отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁵. Многие конкретные аспекты, направления и этапы кропотливого выстраивания разветвленного механизма повседневных двусторонних отношений нашли отражение в подготовленном Министерством иностранных дел РФ «Сборнике российско-китайских договоров. 1949–1999 гг.» (М.: Терра-Спорт, 1999. 496 с.). Вполне естественно, что основные особенности политики России на китайском направлении и важнейшие российско-китайские договоренности по международным и двусторонним проблемам регулярно разъяснялись в публикациях российских дипломатов-китаеведов в отечественных средствах массовой информации⁶. Можно констатировать, что выстраивание конструктивных добрососедских отношений с КНР стало одним из основных внешнеполитических успехов Российской Федерации.

Российские китаеведы сыграли заметную роль в научном обеспечении позитивного развития российско-китайских отношений. В.С. Мясников проанализировал факторы и особенности новой, сформировавшейся в 1990-е гг. модели взаимодействия двух государств. По его мнению, «уровень стратегического партнерства, второй по значимости после союзнических отношений, несет в себе... ряд преимуществ»: «в отличие от союзничества, он не предполагает для России какой-либо ответственности за действия Китая», он повышает уровень доверительности в двусторонних связях и плюс к тому стимулирует другие державы-участницы различных международных многоугольников «подтягиваться в связях с Россией и Китаем до этого высокого уровня отношений»⁷.

А.Д. Воскресенский первым из российских китаеведов применил сценарный подход к прогнозированию возможной эволюции российско-китайских отношений, уделив специальное внимание высокой зависимости этого процесса от тех или иных вариантов развития внутривосточной ситуации в двух странах. Ученый призвал «российских внешнеполитических стратегов» «стремиться к тому, чтобы национально-государственные интересы России и Китая не становились антагонистическими, ...сохраняя при этом за Россией право на выбор союзников как на Востоке, так и на Западе»⁸.

В отличие от А.Д. Воскресенского, продвигавшего идею оптимальности для России «сбалансированного многомерного партнерства», М.Л. Титаренко в многочисленных выступлениях перед российской и зарубежной аудиториями и в своих публикациях отстаивал абсолютную приоритетность для России добрососедских отношений и стратегического партнерства именно с Китаем, видя в этом как коренное условие защиты безопасности страны и обеспечения ей достойного места в системе международных отношений, так и один из ведущих рычагов подъема Восточной Сибири и Дальнего Востока⁹.

Между тем в постсоветский период российско-китайские отношения обрели важное новое качество: впервые в истории они из де-факто отношений тех или иных ограниченных групп представителей двух народов трансформировались в подлинном смысле слова в отношения между двумя народами.

Вслед за этим и научный анализ двусторонних связей вышел за рамки рассмотрения отношений только на межгосударственном уровне и охватил такие новые для отечественного китаеведения сферы, как китайская миграция в Россию (В.Г. Гельбрас, А.Г.

Ларин и другие), двусторонняя торговля, где в 1990-е гг. были широко распространены «челночные» формы и бартерные операции (Е.В. Спрогис, А.Б. Кулик¹⁰), военнотехническое сотрудничество¹¹.

Усиление в 1990-е гг. многопланового взаимодействия между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая дало толчок развитию исследований российско-китайских отношений с регионального и, прежде всего, «дальневосточного угла». Обосновывая необходимость дополнения им центрального, «московского» подхода к развитию двусторонних связей, В.Л. Ларин высказал мнение, что «в демократическом государстве... нельзя строить внешнюю... политику, основываясь только на интересах и понимании ситуации Центром, как бы ни был последний грамотен и умен»¹².

С началом работ по уточнению на местности линии прохождения российско-китайской границы на ее Восточном участке в соответствии с Соглашением 1991 г. часть научной общественности Дальнего Востока выступила с критикой соответствующих действий правительства РФ, обвиняя его в односторонних уступках Китаю по вопросу о пограничном размежевании¹³.

В процессе подготовки к первому визиту президента Б.Н. Ельцина в КНР (декабрь 1992 г.) по поручению Первого департамента Азии МИД РФ в Институте Дальнего Востока РАН было впервые проведено сопоставление уровней экономического развития двух стран. Ученые высказали предположение о высокой вероятности того, что «к концу века Китай перегонит Россию по основным важнейшим показателям общего развития экономики». Кроме того, было отмечено, что «слабость экспортной базы Сибири и Дальнего Востока... обуславливает нерациональную сырьевую структуру нашего экспорта». В связи с этим подчеркивалось, что «превращение дальневосточного региона в сырьевой придаток Китая не в интересах России»¹⁴. Дальнейшие исследования на этом направлении выявили, что уже через пять-шесть лет, т.е. еще до дефолта 1998 г., Россия впервые за последние 150 лет оказалась на мировой арене «в роли государства, более слабого и менее значимого, чем Китай»¹⁵.

Эта «перемена декораций», больно ударившая по самолюбию граждан Российской Федерации, дала весомый повод для активизации в политологическом сообществе алармистских взглядов на Китай и перспективы российско-китайских отношений. А.Д. Богатуров высказал мнение, что «Китай с его громадным населением и 4300-километровой границей с Федерацией... потенциально остается... источником самой серьезной геополитической опасности для России», в том числе и потому, что российская сторона не имеет опыта эффективного реагирования на «мирное китайское проникновение на русский Дальний Восток»¹⁶. Д.В. Тренин из Московского центра Карнеги нарисовал широкий спектр угроз для России в связи с возвышением Китая, выделив в качестве главной «возникновение чрезмерно большой односторонней зависимости России от КНР в экономике или политике, которая приведет Москву к утрате свободы внешнеполитического... маневра»¹⁷.

Нельзя не отметить, что даже в очень тяжелые для России в социально-экономическом плане 1990-е гг. теория «китайской угрозы» не оказала заметного эффекта на российское общество. Даже напротив, успехи Китая не отпугнули россиян от него, а сделали его опыт развития и экономических преобразований более привлекательным и популярным. Анализ опыта реформ в КНР в свете их возможного использования в России активно шел на протяжении всех 1990-х гг. в ИДВ РАН и был обобщен в сборнике «Китайские реформы и Россия»¹⁸. Цикл статей, посвященный сопоставлению опыта развития и реформ в двух странах опубликовал В.Я. Портяков¹⁹.

Несомненно, алармизм в России по отношению к Китаю был в этот период существенно перевешен той озабоченностью за свою национальную безопасность, с которой основная часть граждан страны восприняла вмешательство НАТО и США в конфликт в бывшей Югославии на стороне оппонентов Сербии. Этот фактор, непосредственно затронувший и КНР в виде бомбардировки ее посольства в Белграде, прямо способствовал сближению Москвы и Пекина и активизации их сотрудничества как на международной арене, так и в двустороннем формате.

При всей практической важности и острой актуальности анализа формирующихся отношений с Китаем новой, постсоветской России из поля зрения отечественных китаеведов в 1990-е гг. не выпал и длительный предшествующий период межгосударственного взаимодействия. Как констатировал А.Д. Воскресенский, развитие отношений с КНР на современном этапе должно «в полной мере учитывать опыт прошлого и... базироваться на парадигме преемственности»²⁰. Он же в ряде своих работ для понимания существа исторически сложившихся двусторонних отношений выдвинул в качестве ключевого положение о том, что «общей чертой почти 400-летних связей двух стран являлся их мирный характер: Россия и Китай ни разу не находились в состоянии официально объявленных военных действий... Проблемы в их отношениях... в принципе всегда удавалось решить путем дипломатических переговоров»²¹. Эта точка зрения, несмотря на отдельные попытки ее оспорить²², стала доминирующей в российском китаеведении и была широко растиражирована в последующих работах различных авторов.

Как и прежде, ведущее место в исследовании русско-китайских отношений в период до 1917 г. заняли вопросы территориального размежевания двух государств и его договорно-правового оформления. Крупным научным событием стала монография ведущего российского специалиста по данной проблематике В.С. Мясникова «Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв.» (1996). В работе на основе обширных архивных источников детально изложена базовая российская версия основных этапов формирования границы между Россией и Китаем. Опираясь на опыт непростых переговоров с Китаем по вопросу о линии прохождения границы, которые вели Советский Союз и ряд других государств, В.С. Мясников сделал вывод, что китайская дипломатия «абсолютизировала историческую аргументацию для обоснования своих притязаний на территории соседних государств, отталкиваясь при этом от сфабрикованного ею тезиса об «исторической несправедливости» границ Китая»²³.

Российско-китайские отношения в начале XX в. на региональном уровне — в Маньчжурии, Монголии, Синьцзяне, Тибете — стали предметом активной исследовательской деятельности Е.А. Белова²⁴.

В числе новых сюжетов из истории русско-китайских отношений в период до 1917 г., привлечших внимание российских китаеведов в 1990-х гг., следует выделить работы о деятельности Российской духовной миссии в Пекине и православии в Китае²⁵. Образу Китая в царской России было посвящено пионерное исследование А.В. Лукина²⁶.

Гораздо более многочисленными в 1990-е гг. были исследования различных аспектов советско-китайских отношений.

Публикация первых двух томов сборника документов «ВКП (б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае»²⁷ заметно укрепила источниковедческую базу исследования двусторонних отношений в период 1920-х гг. В монографии В.С. Кузнецова о внешней политике Китая в гоминьдановский период (она оказалась единственным в отечественной историографии комплексным исследованием этой темы) были рассмотрены советско-китайские конфликты и трения вокруг КВЖД и Маньчжоу-Го²⁸.

На основе изучения архивных документов Р.А. Мировицкая проанализировала роль советско-китайских отношений в формировании китайской государственности в сложнейшие годы Тихоокеанской войны (1941–1945 гг.)²⁹. Посол А.М. Ледовский исследовал роль СССР и И.В. Сталина в развитии событий в Китае в период 1937–1952 гг. В его книгу вошли как личные воспоминания автора, работавшего в те сложные годы в Китае, так и его статьи о чрезвычайно важных поездках А.И. Микояна в Китай в январе—феврале 1949 г. и делегации компартии Китая во главе с Лю Шаоци в Москву в июне—августе 1949 г., в ходе которых «оттачивался» формат отношений СССР с будущей Китайской Народной Республикой»³⁰.

На базе архивных материалов был предпринят углубленный анализ особенностей внешней политики КНР периода «великой дружбы», т.е. 1950-х гг. (Б.Т. Кулик³¹), причин и последствий советско-китайского раскола (Л.П. Делюсин, Н.П. Рябенко, Б.Т. Кулик³²), особенностей двусторонних отношений в 1980-е гг. Б.Т. Кулик высказал точку зрения, что нормализация отношений между СССР и КНР, достигнутая в 1989 г., состоялась на китайских условиях: «Пекин добился удовлетворения всех своих требований, не сделав ни одной уступки Москве». Комментируя беседу Дэн Сяопина с М.С. Горбачевым 16 мая 1989 г., в ходе которой китайский лидер предложил знаменитую формулу развития двусторонних отношений — «закрыть прошлое, открыть будущее», — Б.Т. Кулик заметил: «...историю советско-китайских отношений невозможно закрыть ни односторонними, ни даже двусторонними заявлениями. Ее толкование Дэн Сяопином... не означает, что она не подлежит научному анализу... К ней и впредь будут обращаться как российские, так и китайские исследователи»³³.

Как известно, в Китае по сей день публикуется немало исследований по советскому периоду двусторонних отношений, обосновывающих китайскую точку зрения на тот период в целом и на многие ключевые события и эпизоды (в числе наиболее популярных назову работы Шэн Чжихуа). Уже в начале 1990-х гг. появились первые публикации по этой проблеме Ю.М. Галеновича, взявшего на себя миссию защиты отечественной точки зрения по данному непростому вопросу. Пионерной на этом направлении стала его монография «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений», в которой с использованием широкого круга китайских источников были проанализированы многие важные события и аспекты межгосударственных контактов в периоды 1917–1949 гг. и 1949–1991 гг.³⁴

Для полноты картины укажем еще на два новых направления исследований двусторонних отношений, появившихся в 1990-е гг. Это изучение различных аспектов жизнедеятельности российской эмиграции в Китае, представленное научными работами Г.В. Мелихова, Е.П. Таскиной³⁵ и воспоминаниями многих «харбинцев» и «шанхайцев», и исследование китайской советологии (одна из первых работ по теме принадлежит К.В. Внукову³⁶), а после 1991 г. — русистики.

Радикальные изменения в международной обстановке предопределили появление в российском Китаеведении новых приоритетных направлений в изучении внешней политики КНР в целом.

На одно из первых по значимости мест вышел анализ сначала двусторонних китайско-индийских отношений, а затем и взаимосвязей в вероятном трехстороннем формате Россия — Индия — Китай. Как прогнозировал в 1996 г. А.Г. Яковлев, «Россия, Китай и Индия, поставленные ходом истории на одну сторону линии нового разделения мира на сверхразвитый центр и периферию, неизбежно придут к прямому и косвенному взаимодействию по самому широкому кругу глобальных и региональных проблем»³⁷.

Подчеркну, что идея формирования такого «треугольника» была выдвинута китаеоведами раньше, чем она прозвучала у Е.М. Примакова, а само рассмотрение проблемы по существу³⁸ несколько опередило аналогичный анализ, предпринятый российскими индологами³⁹.

По логике вещей, одним из приоритетов должно было бы стать исследование политики КНР в отношении бывших советских республик, которые в конце 1991 г. стали членами Содружества независимых государств (СНГ). Предпосылки для этого были. В первой половине 1990-х гг. китаеведы СНГ еще «по инерции» тянулись к контактам с российскими синологами. Сохранялись неплохие связи с наукой Украины. В 1993–1995 гг. группа китаеведов Института Дальнего Востока трижды выезжала в Киев для участия в конференциях и чтения лекций. Затем, однако, связи стали слабеть, и в конечном счете в фокусе внимания осталась только политика Китая в Центральной Азии⁴⁰. На сколько-нибудь детальное изучение связей КНР с другими членами СНГ элементарно не хватило сил.

Изучение в России китайско-американских отношений активизировалось во второй половине 1990-х гг., когда взаимное китайско-американское «прощупывание» в основном завершилось и политика «вовлечения» (engagement), проводившаяся в отношении КНР администрацией Б. Клинтона, приобрела зрелые очертания. Следует отметить публикации Б.Н. Занегина, В.Н. Барышникова⁴¹.

Ю.М. Галенович проанализировал возможное влияние китайско-американских отношений на китайско-российские, рассмотрел по китайским источникам эволюцию модели китайско-американских взаимосвязей за 150 лет. Ученый сделал весомый итоговый вывод, полностью подтвердившийся дальнейшим ходом событий: «В конце XX века наступил исторический период непосредственных взаимоотношений Китая и Америки как двух главных держав на мировой арене. Именно в этой связи китайско-американские отношения приобретают важнейшее значение... для России»⁴².

Что касается изучения отношений КНР с другими странами и регионами, то его интенсивность, как правило, определялась в первую очередь энтузиазмом и работоспособностью конкретных исследователей. В 1990-е гг. вышел в свет ряд публикаций Т.Л. Дейч о политике Пекина в Африке⁴³. С.Г. Лузянин раскрыл новые аспекты и нюансы российско-китайско-монгольских отношений⁴⁴, Е.И. Сафронова продолжила анализ политики КНР в развивающемся мире с особым акцентом на вычленение в ней новых моментов⁴⁵. Существенный вклад в анализ отношений между КНР и Японией в двустороннем формате и в региональном контексте внес японовед А.В. Семин⁴⁶.

Вместе с тем, изучение политики КНР в отношении социалистических стран и стран Восточной Европы, бывшее в 1970-х — 1980-х гг. одним из ведущих в сфере международной проблематики, практически сошло на нет.

В 1990-е гг. усилиями Е.Д. Степанова было плодотворно продолжено изучение истории формирования границ Китая и его пограничной политики как на сухопутных, так и на морских рубежах⁴⁷. Без преувеличения можно утверждать, что буквально все, написанное Евгением Дмитриевичем по данному кругу проблем, остро актуально и в наше время. В ряде случаев исследования Е.Д. Степанова содержат весьма важные нюансы, позволяющие высветить дополнительные грани обострившихся в последние годы конфликтов КНР с ее соседями по поводу принадлежности островов Наньша (Спратли) в Южно-Китайском и Дяоюйдао (Сенкаку) в Восточно-Китайском морях. Приведу лишь одну цитату: «Анализ документов, публикаций и картографических материалов Китайской Народной Республики позволяет сделать вывод о том, что вопрос о принадлежности о-вов Сенкаку, поставленный по инициативе тайваньской администрации [в 1970–

1971 г. — В.П.], возник для Пекина совершенно неожиданно. Он оказался неподготовленным к нему. Тем не менее, он незамедлительно поддержал тайваньскую «инициативу», увидев...возможность...получить в свои руки политический рычаг для давления на японское правительство»⁴⁸.

Российские китаеведы уделили определенное внимание изучению модификаций в теории и концепциях внешней политики страны в начале 1990-х гг. Проанализировав различные оценки в Китае международной ситуации периода 1990–1992 гг., А.А. Волохова и О.Н. Воропаева справедливо выделили в качестве одной из наиболее перспективных идею начавшейся трансформации мировой архитектоники из двухполюсной в многополюсную. Следование ей давало Китаю целый ряд выгод: позволяло актуализировать принцип развития отношений со всеми государствами на основе пяти принципов мирного сосуществования, делало морально оправданным наращивание его собственной комплексной мощи⁴⁹.

Однако в 1990-е гг. идея продвижения мира к многополярности еще не воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Ее последовательным оппонентом был А.Г. Яковлев, утверждавший, что «биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра». Первым полюсом он считал Запад, развитый мир, а другим — периферию, все страны «догоняющего развития», которые А. Тойнби квалифицировал как «внешний пролетариат». Политическую многополюсность периферии А.Г. Яковлев называл исключительно вредной, чреватой «ее тотальным поражением в не очень отдаленном будущем». Самый же важный фактор формирования периферии в качестве «глобального политического полюса» ученый видел в становлении стратегического партнерства Китая, России и Индии⁵⁰.

На широком историческом фоне изменения в теории внешней политики Китая в 1990-е гг. были проанализированы в монографии А.А. Свешникова «Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников» (1999, ИДВ РАН). Автор сумел наглядно показать острую борьбу в китайском экспертном сообществе по вопросу о главных противоречиях на международной арене, прямо влиявшую на выбор тех или иных приоритетов внешней политики страны. В частности, А.А. Свешников уделил особое внимание взглядам Хэ Фана (в ту пору — директор института Японии Академии общественных наук КНР), который последовательно стремился «увести» Китай в тень, называя главным в современном мире противоречие не между «Востоком» и «Западом» или «Севером» и «Югом», а между самими развитыми странами — США, Японией, Европой. Этот отправной тезис давал Хэ Фану основание декларировать необходимость для Китая ориентироваться не на Россию, а на США: «Центральные задачи Китая и России — экономическое строительство. В экономической области Россия не может опираться на нас, мы тоже не можем опереться на Россию. В развитии экономики, подъеме технического уровня мы можем опираться только на Америку, Японию, Западную Европу, на это надо смотреть честно»⁵¹.

А.А. Свешников обратил также внимание на то, что сущностное содержание двусторонних российско-китайских политических документов, в т.ч. совместной Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка (23 апреля 1997 г.), «основывается главным образом на концептуальных разработках китайской стороны... Хорошо это или плохо, но «общий язык» по существу является языком китайской стороны»⁵².

*

*

*

Итоги изучения в России в период 1992–1999 гг. международных отношений и внешней политики КНР оказались, на мой взгляд, весьма плодотворными. На должном уровне было обеспечено научное сопровождение российской внешней политики на китайском направлении, в Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Характерное для тех лет столкновение — и в научной среде, и в обществе — различных точек зрения позволило в конечном счете выработать близкий к оптимальному алгоритм стратегического взаимодействия России с Китаем. Он базируется на трех принципах: неизменное уважение друг к другу, ориентация на собственные национально-государственные интересы, неуклонный поиск точек соприкосновения и взаимоприемлемых решений.

Может быть, «урожай» 1990-х гг. по формальным критериям вроде количества опубликованных монографий оказался не столь уж велик, но созданный в этот период серьезный интеллектуальный задел, освоение новых тем и форм исследований, сама атмосфера творческой свободы заслуживают высокой оценки.

1. *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия. М., 1994; *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998; *Михеев В.В.* Российские подходы к проблеме участия России в азиатско-тихоокеанской интеграции // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 27–33.
2. Проблемы Дальнего Востока (далее ПДВ). М., 1995. № 3. С. 4–37.
3. *Яковлев А.Г.* Россия и Китай: состояние и перспективы отношений // Китай в мировой и региональной политике (История и современность): Информ. бюл. ИДВ РАН. М., 1995. № 3. С. 28.
4. Там же. С. 45–47.
5. *Рогачев И.А.* Проблемы и перспективы двустороннего сотрудничества // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М., 1999. С. 38.
6. Пожалуй, самой популярной статьей российских «мидовцев» по двусторонним отношениям стала публикация Е.В. Афанасьева и Г.С. Логвинова «Россия и Китай: на пороге нового тысячелетия» в журнале «Международная жизнь». 1995. № 11–12. С. 51–60.
7. *Мясников В.С.* Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в. // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия. В 2 т. М., 1999. Т. 1, кн. 2. С. 200–201.
8. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 279–282; *Воскресенский А.Д.* Китай во внешнеполитической стратегии России // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия. В 2 т. М., 1999. Т. 1, кн. 2. С. 153–158.
9. *Титаренко М.Л.* Взаимовыгодное партнерство, обращенное в XXI век // ПДВ. 1997. № 3. С. 45–49; *Титаренко М.Л.* Китай в пост-Дэновскую эпоху и российско-китайские отношения // Международ. жизнь. 1995. № 5. С. 27–36.
10. *Спрогис Е.В.* Вызовы и возможности экономического сотрудничества // Pro et Contra. 1998. № 1. С. 58–69; *Спрогис Е.В.* О некоторых проблемах развития двусторонних торгово-экономических связей // Бизнес и политика. М., 1997. № 12. С. 18–22; *Кулик А.Б.* Российско-китайское экономическое сотрудничество // Там же. С. 14–17.
11. *Макиенко К.* Опасно ли торговать оружием с Китаем? // Pro et Contra. 1998. № 1. С. 41–57.
12. *Ларин В.Л.* Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? Взгляд с российского Дальнего Востока // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия... М., 1999. Т. 1, кн. 2. С. 161. См. также: *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: проблема регионального взаимодействия. Владивосток. 1998.
13. *Ткаченко Б.И.* Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVIII — XX веков. Владивосток, 1998.
14. Сопоставление уровней экономического развития Китая и России. Информ. бюл. ИДВ РАН / отв. ред. В.И. Шабалин. М., 1993. № 9. С. 9–10.

15. *Портяков В.* «Он уважать себя заставил...» (Китай и Россия в экономическом измерении) // *Pro et Contra*. 1998. № 1. С. 26–40. Здесь — С. 27.
16. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. С. 285.
17. *Тренин Д.В.* Китайская проблема России. М., 1998. С. 37.
18. Китайские реформы и Россия. В 2 т. / Сост. и ред. Круглов А.М. М.: ИДВ РАН, 2000.
19. *Портяков В.Я.* Китайские реформы в российских оценках // *Бизнес и политика*. 1997. № 5. С. 42–48; *Портяков В.Я.* Китайские ученые о российских реформах // *Бизнес и политика*. 1997. № 4. С. 51–58; *Портяков В.Я., Сюй Минь.* Экономические реформы в Китае и СССР/России: проблемы сопоставления и взаимовлияния // *Восток*. М., 1997. № 5. С. 86–97; № 6. С. 62–76.
20. *Воскресенский А.Д.* Китай во внешнеполитической стратегии России... С. 141.
21. Там же. С. 145. Впервые идея мирного характера российско-китайских отношений на протяжении нескольких сот лет была сформулирована в монографии А.Д. Воскресенского «Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года» (М., 1995. С. 43–44).
22. Например, историк из Красноярска В.Г. Дацышен назвал свою работу о русско-китайских отношениях на рубеже XIX—XX вв. «Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.» (СПб., 1996).
23. *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII—XX вв. М., 1996. С. 395.
24. *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX века: русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., Ин-т востоковедения РАН, 1997; *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999; *Белов Е.А.* Тибетская политика России (1900–1914 г.) // *Восток*. 1994. № 3. С. 93–109; *Белов Е.А.* К истории русско-китайских отношений в Сынцзяне в период Синьхайской революции (1911–1913) // *ПДВ*. 1995. № 2. С. 85–95.
25. История Российской духовной миссии в Китае. М., Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997; *Ипатова А.С.* Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // *Востоковедение и мировая культура: К 80-летию акад. Тихвинского С.Л. М.*, 1998. С. 202–223.
26. *Лукин А.* Образ Китая в России (до 1917 года) // *ПДВ*. 1998. № 5. С. 131–143.
27. Т. 1 (1920–1925 гг.) опубликован в 1994 г., т. 2 (1926–1927 гг.), в двух ч. — в 1996 г. Издание осуществлено при поддержке Свободного университета Берлина.
28. *Кузнецов В.С.* Внешняя политика Китая в 1923–1937 гг. М.: ИДВ РАН, 1992. Ч. 1, 2.
29. *Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае: Годы Тихоокеанской войны, 1941–1945. М., 1999.
30. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая: Документы и свидетельства участника событий, 1937–1952. М., 1999.
31. *Кулик Б.Т.* Китайская Народная Республика в период становления (1949–1952) // *ПДВ*. 1994. № 5. С. 111–125; № 6. С. 73–83; *Кулик Б.Т.* О феномене внешней политики КНР, 1954–1956 гг. // *Информ. бюл. ИДВ РАН*. 1995. № 3. С. 3–27.
32. *Делюсин Л.П.* Некоторые размышления о начале советско-китайского конфликта // *Россия и современный мир*. М., 1998. № 3. С. 233–256; *Рябченко Н.П.* Советско-китайский конфликт, 60-е — начало 80-х гг. // *Россия и АТР*. Владивосток, 1998. № 2. С. 53–59; 1998. № 4. С. 50–62; *Кулик Б.Т.* Влияние советско-китайского конфликта на международные отношения // *Информ. бюл. ИДВ РАН*. 1997. № 13. С. 181–202.
33. *Кулик Б.Т.* Советско-китайские отношения на пути к нормализации (1997–1989 г.) // *Информ. бюл. ИДВ РАН*. 1999. № 2. С. 184–209. Здесь — С. 199, 206.
34. *Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. В 2-х т. Т. 1. От октября 1917 г. до октября 1949 г.; Т. 2. В 2-х кн. СССР и КНР (1949–1991 гг.). М., ИДВ РАН, 1992.
35. *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991; *Таскина Е.* Харбин — продукт контактов стран-соседей // *ПДВ*. 1999. № 4. С. 132–137.
36. *Внуков К.П.* Советология КНР и советско-китайские отношения (1970–1990 г.) // *Информ. бюл. ИДВ РАН*. 1992. № 8.
37. *Яковлев А.Г.* Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира // *Информ. бюл. ИДВ РАН*. 1996. № 13. С. 3–28. Здесь — С. 19.

38. См.: *Педин А.В.* Китайско-индийские отношения на современном этапе. — Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1994. № 7. С. 161–171; *Педин А.В.* Индия и Китай ищут пути к сотрудничеству // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1995. № 3. С. 121–132.
39. *Широков Г.К., Лунев С.И.* Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998; *Веселов В.Т., Смирнов А.А.* Россия, Китай, Индия: оптимальные формы и главные направления сотрудничества [по материалам научной конференции 15–17 апреля 1998 г.] // Восток. 1998. № 6. С. 142–144.
40. *Педин А.В.* Отношения Китая с центральноазиатскими государствами СНГ // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1996. № 13. С. 130–141; *Песков Ю.С.* Проблемы и перспективы сотрудничества России и Китая со странами Центральной Азии — членами СНГ // ПДВ. М., 1997. № 4. С. 19–27.
41. *Занегин Б.Н.* США и Китай: конфликтный потенциал // США — Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 3–4. С. 44–55; О китайско-американских отношениях на современном этапе (К саммитам между председателем КНР Цзян Цзэминем и президентом США Б. Клинтоном) / авт. предисл. *Барышников В.Н.* // Экспресс-информация ИДВ РАН. 1997. № 10; *Барышников В.Н.* (сост., авт. предисл. и рефератов). Китайские политологи о перспективах развития китайско-американских отношений после обмена визитами между Цзян Цзэминем и Б. Клинтоном // Экспресс-информация ИДВ РАН. 1999. № 4.
42. *Галенович Ю.М.* Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М., 1999. С. 308.
43. *Дейч Т.Л.* Китай и Африка: время перемен (80-е годы). М., 1992; *Дейч Т.Л., Шубин В.Г.* Китай и Южная Африка: эволюция взаимоотношений. М.: Ин-т Африки РАН, 1999.
44. *Лузянин С.* Монголия: между Китаем и советской Россией (1912–1924) // ПДВ. 1995. № 2. С. 71–84; *Лузянин С.* Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы Второй мировой войны // ПДВ. 1995. № 2. С. 52–60.
45. *Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности и традиций в построении современного политико-экономического курса КНР относительно развивающихся стран // Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая: Информ. бюл. ИДВ РАН. 1994. № 7. С. 87–104; *Сафронова Е.И.* Отношение КНР к сотрудничеству «Юг—Юг» как средству установления нового международного экономического порядка // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1999. № 2. С. 156–165.
46. *Семин А.В.* Китай—Япония: и партнеры, и соперники // Азия и Африка сегодня. М., 1998. № 9. С. 16–21; *Семин А.В.* Японо-китайские отношения в многополярном мире // ПДВ. 1998. № 3. С. 10–15; *Семин А.В.* Токио — Пекин: непростой диалог // ПДВ. 1999. № 3. С. 45–49.
47. *Степанов Е.Д.* Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949–1994 гг.) // Информ. материалы ИДВ РАН. Сер. «Международ. отношения стран Северо-Восточной Азии. 1996. Вып. 1; *Степанов Е.Д.* Правовые аспекты территориальных споров в Южно-Китайском море РАН // Там же. 1997. Вып. 3.
48. *Степанов Е.Д.* Китай на морских рубежах // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1994. № 4. С. 85.
49. *Волохова А., Ворopaева О.* Изменения в мире в начале 90-х годов и роль КНР: оценки китайских политологов // ПДВ. 1994. № 6. С. 22–31.
50. *Яковлев А.Г.* Биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра // Китай в мировой и региональной политике (История и современность): Информ. бюл. ИДВ РАН. 1997. № 13. С. 3–47. Здесь — С. 44–47.
51. *Свешиников А.А.* Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников // Информ. бюл. ИДВ РАН. 1999. № 1. С. 109–110, 173–174.
52. Там же. С. 175.